

DOI: 10.15372/HSS20150409

УДК 94(47)“19/20”+94(47+57)“19/20”+314(09)

В.А. ЗВЕРЕВ**БЕЛОРУССКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ:
ЕЖЕГОДНЫЙ КРУГ РОЖДАЕМОСТИ, БРАЧНОСТИ И СМЕРТНОСТИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Владимир Александрович Зверев,
д-р ист. наук, профессор,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, Новосибирск, ул. Вилойская, 28
e-mail: sosna232@yandex.ru

Цель статьи – представить методику и раскрыть основные результаты исследования народного демографического календаря, существовавшего на территории Белоруссии в конце имперского периода. Демографическим календарем автор называет стереотипный способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения людей. На основе материалов официальной статистики Российской империи представлено помесечное распределение браков, рождений и смертей в годовом цикле жизни населения белорусских губерний – Гродненской, Минской и Могилевской. Сопоставлены городской и сельский варианты, брачные аспекты православного, католического и иудаистского календарей. Особенности календаря получают объяснение с учетом комплексного воздействия природно-климатического, экономического, социокультурного факторов.

Ключевые слова: белорусы, народный календарь, демографический календарь, демографические события, социальная цикличность, брачность, рождаемость, смертность.

V.A. ZVEREV**DEMOGRAPHIC CALENDAR IN BELARUS: ANNUAL CIRCLES OF FERTILITY,
NUPTIALITY AND MORTALITY (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

Vladimir A. Zverev,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of History of the Siberian Branch SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russia,
e-mail: sosna232@yandex.ru

The objective of the paper is to present the research techniques and to summarize the key findings of the study of the traditional demographic calendar that existed in Belarus during the late imperial period. The author considers demographic calendar as a stereotypic way of arranging demographic behavior of various human communities on a chronological basis within a calendar year. Relying upon the official Russian imperial statistics the author has calculated the annual nuptiality, fertility and mortality cycles in the daily life of the people in several Belarusian provinces – Grodno, Minsk and Mogilyov. The material is represented both in tabular and graphic forms. The author compares urban and rural variants, as well as matrimonial aspects of the Orthodox Christian, Catholic and Judaic calendars. Calendar parameters are explained taking into account the complex influence of many climatic, social, economic and cultural factors. It has been discovered, that at the turn of the XIX – XX centuries monthly and seasonal cycles of demographic events in Belarus followed certain established patterns. Rural and urban calendars were very similar especially when the universal natural (climatic and biological) factors prevailed. Such similarity was also due to the cultural continuity and integration processes. In the time of early urbanization and massive migrations urban culture basically had many typological characteristics of rural culture and vice versa. The urban demographic calendar with its more even monthly distribution of all demographic events contrasted vividly with the rural calendar. Such

difference was due to the fact that natural and agrarian economic cycles less affected the life of urban dwellers while the religious traditions were also weaker among urban population. In general, ethnic and religious variants of regional demographic calendars that had both clear similarities and differences deserve further investigation.

Key words: Belarusians, folk calendar, calendar events, population demographics, demographic social behavior, nuptiality, fertility, mortality.

Народным демографическим календарем автор называет стереотипный способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения представителей различных человеческих сообществ. В качестве составных частей демографического календаря нами выделяются детородный (прокреативный), брачный (матримониальный), жизнеохранительный (витальный), летальный и миграционный календари (см., напр.: [1; 2; 3]). Демографический календарь с его разнообразными аспектами и вариантами является важным проявлением биосоциального образа жизни и культуры любого народа, а также тех многочисленных сообществ, из которых народ состоит.

В данной статье характеризуется одно из ярких проявлений демографического календаря – *помесячное и посезонное распределение основных демографических событий – рождений, браков и смертей – в Белорусском регионе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.* Выбор территории Белоруссии для специального рассмотрения обусловлен стремлением автора внести свой вклад в сотрудничество историков Сибирского отделения РАН и Национальной академии наук Белоруссии. Известно, что уроженцы Белоруссии активно участвовали в развитии восточных окраин России (см., напр.: [4; 5]), однако существующая в литературе характеристика демографической составляющей этого участия явно недостаточна. Необходимо углубленное изучение народонаселенческой ситуации (в частности, демографического поведения людей, формой организации которого выступает демографический календарь) и в Белоруссии, откуда выходили многочисленные мигранты, и в местах их натурализации в Сибири.

В качестве *исторического источника* для расчетов и построения месячных рядов показателей в данном случае используются официальные данные Центрального статистического комитета МВД, опубликованные в повременном издании «Статистика Российской империи». Они восходят к материалу первичного учета фактов рождения, бракосочетания и смерти в метрических книгах церковных общин, поскольку именно церковным структурам имперское законодательство вменяло в обязанность вести такой учет и представлять его результаты в губернские статистические комитеты. В использованных нами выпусках «Статистики...» ежемесячно указано абсолютное количество младенцев, родившихся в конкретном году в городах и уездах (сельской местности), в среде представителей различных конфессий во всех губерниях европейской части страны. Аналогичным образом показано месячное количество заключенных браков и умерших лиц, с распределением их по возрасту.

В расчетах, результаты которых обобщены на рисунке, в табл. 1 и ряде фрагментов текста, учтены сведения из трех губерний, располагавшихся тогда на территории современной Белоруссии – Гродненской, Минской и Могилевской. В этих губерниях, согласно данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось 3727,9 тыс. жителей, что составляло около 70 % населения пяти губерний наиболее компактного проживания белорусов (подсчитано по: [6, с. 9]). Выбранные губернии различались по доле этнических белорусов в населении (Гродненская – 44 %, Минская – более 70, Могилевская – до 85 %), размещались на территории пяти (из шести наличных) белорусских историко-культурных регионов, выделяемых этнографами [6, с. 9–10]). Мы суммировали сведения о демографических событиях, происходивших в течение трех лет – 1898–1900 гг. Все эти обстоятельства делают полученные выводы репрезентативными для всей территории Белоруссии на рубеже XIX–XX вв.

Помесячное и посезонное распределение демографических событий целесообразнее рассматривать, пользуясь *не абсолютными показателями, а вычисленными на их основе относительными*. В табл. 1 и 2, на рисунке показано соотношение количества демографических событий, зафиксированных в разные месяцы при средней величине, принятой за 1000. Известно, что церковная метрическая регистрация имела недостатки, но в данном случае они не мешают увидеть четкое проявление в исчисленных цифровых рядах закономерностей демографического календаря. Далее мы укажем на некоторые из них.

Начнем с *репродуктивного календаря*. Данные табл. 1 свидетельствуют, что рождения в Белоруссии распределялись по месяцам неравномерно. Сильнее был разброс в сельской местности: здесь количественный интервал, внутри которого колеблются месячные величины вокруг их среднеарифметического, равняется 96, а в городах этот показатель (среднее квадратическое отклонение) едва достигает 44. Годовая динамика количества рождений в селениях и городах обладала средним уровнем сходства: коэффициент линейной корреляции между двумя рядами показателей равен 0,56. Обращают на себя внимание: а) пониженная рождаемость в весенне-летний период; б) повышенный ее уровень осенью и зимой, начиная с октября. В сельской местности эта закономерность нарушается дважды: происходил всплеск репродукции в июле и падение ее уровня в декабре. В городах единственное отклонение заключается в позднем спаде рождаемости: в апреле она еще превышала среднемесячный уровень.

Т а б л и ц а 1

**Распределение демографических событий в Белоруссии по месяцам 1898–1900 гг.
(среднемесячная величина принята за 1000)***

Месяц	Рождения в		Браки в		Смерти в	
	селениях	городах	селениях	городах	селениях	городах
Январь	1194	1128	2920	1590	1187	1037
Февраль	1070	1049	2328	1735	1088	951
Март	926	967	62	580	1160	1004
Апрель	832	1002	209	424	1006	963
Май	839	953	1873	1163	873	880
Июнь	902	967	976	962	802	886
Июль	1054	963	984	1034	915	1054
Август	992	943	217	1106	1053	1059
Сентябрь	994	901	331	673	831	947
Октябрь	1212	1018	1221	1110	858	1026
Ноябрь	1045	1018	814	957	966	1006
Декабрь	940	1007	63	663	1260	1184

*Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1898 г. СПб., 1903. (Статистика Российской империи; [вып.] 56). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 106–109; Движение населения в Европейской России за 1899 г. СПб., 1904. (Статистика Российской империи; [вып.] 58). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 106–109; Движение населения в Европейской России за 1900 г. СПб., 1906. (Статистика Российской империи; [вып.] 62). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 108–109.

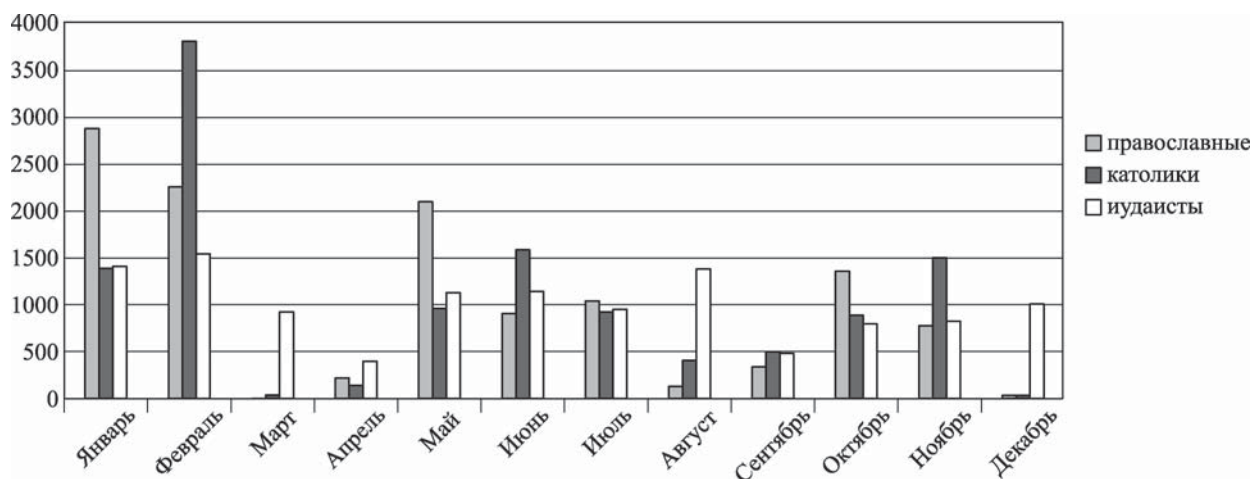
Чтобы объяснить выявленные особенности детородного календаря, обратим внимание на сезонное распределение зачатий, отнеся данные табл. 1 о количестве рождений на девять месяцев назад. Выяснится, что всплеск деревенской рождаемости в июле – следствие брачной и сексуальной активности населения в октябре, после сбора урожая и расширения зоны досуга. Осенне-зимний «детородный бум» происходил вследствие учащения зачатий в зимне-весенний период, начиная с января и с перерывом (в селениях) в марте. На ситуацию здесь положительно влиял тот факт, что в январе – феврале и начале весны крестьяне и горожане имели калорийную пищу в относительном изобилии – это благоприятно сказывалось на их половой активности. В январе – феврале и затем после перерыва в мае играли больше всего свадьбы (см. табл. 1), и новобрачные активно включались в сексуальные отношения. Наконец, разгар весны – время активизации жизнедеятельности человеческого организма, «бурления чувств», и это тоже положительно сказывается на прокреативной сфере. Малое количество рождений весной и летом связано с неблагоприятными обстоятельствами летне-осеннего сезона зачатий. Интенсивными были трудовые усилия и короток досуг: характерно минимальное в году рождение в апреле – мае деревенских детей, зачатых на пике сельскохозяйственных работ в июле – августе предыдущего года. Скуден был пищевой рацион в начале этого сезона – к Петровскому посту истощались запасы предыдущего года. Наконец, учтем наличие летом и осенью трех многодневных православных постов – Петровского, Успенского и Рождественского (в его начале).

Влияние религиозных постов на детородный календарь заслуживает особого внимания. Историк

Б.Н. Миронов объяснил низкий уровень рождаемости православного населения в декабре по сравнению с соседним январем и, соответственно, зачатий – в марте по сравнению с апрелем действием двух факторов: а) биологического (в начале весны у женщин снижается способность к оплодотворению примерно на 14 %); б) религиозного (обычно весь март захватывает строгий Великий пост, когда церковь требует от своих адептов полового воздержания). Применив методику расчетов, предложенную Б.Н. Мироновым [7, с. 232–233], мы высчитали долю в Белоруссии брачных и иных сексуальных пар, строго придерживавшихся абстиненции в период Великого поста. Таковых оказалось около 7 % в православном населении (суммарно сельском и городском), как и в населении уездов – преимущественно православном, но включавшем в себя и представителей других конфессий¹. Это вдвое меньше, чем в православном и чем в сельском населении всей Европейской России [7, с. 233]. В белорусских городах разница рождаемости в декабре и январе укладывается в пределы биологической нормы. Это означает, что на рубеже XIX–XX вв. горожане детородного возраста вовсе не соблюдали церковное требование сексуальной абстиненции в период Великого поста.

Данные табл. 1 относительно *матримониального календаря* показывают, что браки в Белоруссии распределялись по календарному году гораздо более неравномерно, чем рождения. Среднее квадратическое отклонение в динамическом «сельском» ряду показателей

¹ Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 22–23, 30–31; Движение населения... за 1899 г. С. 22–23, 30–31; Движение населения... за 1900 г. С. 22–23, 30–31.

Количество браков, заключенных представителями основных конфессий Белоруссии в различные месяцы 1898–1900 гг. (средняя для конфессии величина принята за 1000)²

равняется в данном случае 723, а в «городском» – 289. При этом наблюдается высокая степень сходства помесячного распределения браков в городах и уездах: коэффициент линейной корреляции двух рядов достигает 0,89.

«Свадьбы у крестьян бывают чаще [всего] осенью, когда собран хлеб и закончены все полевые работы» – подобное утверждение нередко встречается в этнографических описаниях быта белорусов (цит. по: [8, с. 525]). Высказываются также мнения о популярности в белорусской традиции свадеб на Петров день – в июне по старому стилю («К Петру и дочку отберу...»), о нежелании играть свадьбы в мае. Однако привлеченные нами массовые статистические данные слабо согласуются с такими представлениями. В табл. 1 бросается в глаза доминирование уровня свадебной активности в январе – феврале, когда в городах заключалось 27,7 % всех браков, а в селениях – 43,7 %. На втором месте по количеству свадеб в годовом цикле в селениях и городах стоял май, только на третьем – октябрь. К середине зимы в деревнях и малых городах продажа хлеба и мяса давала денежные средства, необходимые для свадебных гуляний, к весне в семью жениха ждали новую молодую работницу. В городской среде имела значение возможность закупить зимой дешевые продукты для свадьбы. Майский всплеск брачной активности был связан с окончанием весеннего цикла хозяйственных работ, с переживанием пика расцвета природы на переходе к лету. Наконец, октябрь – тот месяц, когда крестьяне заканчивали уборочные работы, создавали продовольственные запасы и высвобождали время для пиров.

Разумеется, брачный календарь в изучаемый период в сильной степени определялся культурны-

ми и особенно религиозными традициями разных групп населения. На помещенной выше гистограмме (см. рисунок) отражено годовое распределение браков, заключенных представителями основных этноконфессиональных категорий населения Белоруссии – православных (в основном белорусов и русских), католиков (по большей части поляков, литовцев) и евреев-иудаистов.

Гистограмма позволяет отметить и общие черты, и особенности трех конфессиональных матримониальных календарей. Видно, например, что и православные, и католики, и иудаисты предпочитали заключать браки в январе – феврале – в относительно сытое и свободное время. Апрель и сентябрь – месяцы больших хозяйственных забот – для всех конфессий были временем слабой брачной активности. У католиков и православных общей чертой являлось полное отсутствие свадеб в марте и декабре, когда их не венчала христианская церковь. Для иудаистского календаря характерно наиболее равномерное по месяцам года распределение браков. Православных в населении Белоруссии было абсолютное большинство, поэтому конфигурация их матримониального календаря решающим образом определяла брачный календарь всего населения региона, отраженный в табл. 1.

Белорусский *летальный календарь* конца имперского периода демонстрирует гораздо более высокую, чем брачный календарь, хотя и меньшую, чем прокреативный, степень сходства рядов помесячных показателей в городах и уездах. Коэффициент линейной корреляции достигает здесь 0,74. Смертность по месяцам и сезонам распределялась не столь равномерно, как рождаемость, но гораздо равномернее, чем брачность. Среднее квадратическое отклонение в ряду летальности сельских жителей составляло 125, в ряду горожан – 62.

Самый заметный феномен – повышенная смертность в холодное время года. В уездах он длился с де-

² Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 62, 70; Движение населения... за 1899 г. С. 62, 70; Движение населения... за 1900 г. С. 62, 70.

кабря по апрель, на эти месяцы приходилось 47,5 % всех летальных событий. В городах «смертоносный» сезон был выражен слабее, начинался уже в октябре, но заканчивался к февралю, давая рецидив еще и в марте. В годовом круге имел место еще один, более слабый и короткий всплеск смертности – в конце лета. В городах он охватывал июль и август, в селениях – только август. Самыми безопасными для жизни белорусов периодами года были переход от весны к лету (май – июнь) и начало осени (сентябрь, а в уездах – еще и октябрь).

Отмеченные годовые минимумы объяснить нетрудно. В моменты своего цветения в начале лета и «золотой» осенью природа благоприятствует физическому и психологическому здоровью людей. К тому же на май – июнь и сентябрь, как мы установили выше (табл. 1), в Белоруссии приходились сезонные спады рождаемости. В условиях традиционного режима смертности, когда множество младенцев умирало вскоре после своего появления на свет, малое число родившихся являлось залогом и небольшого количества умерших.

Чтобы более детально объяснить сезонные подъемы и спады летальности, мы разделили всех умерших на несколько возрастных групп и выявили особенности летального календаря у каждой из них (табл. 2).

В привлеченных нами источниках за 1898–1900 гг. нет сведений о смертности городского и сельского населения по возрастам, и нам пришлось воспользоваться соответствующими данными за 1909–1911 гг., помещенными в специальном выпуске «Статистики Российской империи». Поэтому в табл. 2 столбцы А и В показывают соотношение количества сельских и городских младенцев, умерших в 1909–1911 гг. В столбце С и остальных колонках помещены данные

об умерших в 1898–1900 гг., суммарно в уездах и городах. Таблица содержит сведения, относящиеся только к Минской губернии. Эта губерния занимала центральное положение в регионе, в ней проживало 30,2 % населения пяти собственно белорусских губерний (подсчитано по: [6, с. 9]), были представлены различные этноконфессиональные сообщества, поэтому минский демографический календарь репрезентативно отражает положение дел во всей Белоруссии.

Изучая табл. 2, нетрудно заметить, что всплеск смертности во всем населении, приходящийся на август, был связан с летним (июль – август) максимумом смертности, существовавшим и в городах, и в уездах у младенцев, не достигших одного года. Аномально высокая, хотя и не максимальная в годовом цикле, августовская смертность сохранялась также в многолюдных группах детей, подростков и молодежи (возрасты от 1 до 20 лет), что не могло не сказаться на итоговых для всего населения показателях. «Вымирание» юных белорусов происходило на излете лета в основном в результате ежегодных эпидемий дизентерии и других заразных болезней. Распространение эпидемий преимущественно в июле – августе объясняется климатическими условиями теплого сезона, недосмотром за младенцами со стороны матерей, занятых полевыми и огородными работами, скудостью питания до созревания нового урожая, употреблением в пищу незрелой и немойтой зелени. Наконец, следует учитывать всплеск деревенской прокреации в июле, о котором упоминалось выше: рождаясь, многие младенцы вскоре умирали.

Разумеется, максимальная для всего населения летальность периода с декабря по апрель была производной от наибольшего уровня смертности именно в эти месяцы, существовавшего в нескольких возрастных

Т а б л и ц а 2

**Распределение смертности населения различного возраста по месяцам в Минской губернии
(среднемесячная величина принята за 1000)***

Месяц	Младше одного года			1–4 года	5–19 лет	20–54 лет	55 лет и старше	Все возрасты
	А	В	С					
Январь	1157	897	1110	1193	1080	1182	1458	1203
Февраль	972	887	1012	1192	1140	1100	1301	1132
Март	968	862	1027	1214	1165	1210	1361	1174
Апрель	920	937	901	1037	1151	1070	1075	1015
Май	950	1185	845	843	872	898	996	884
Июнь	1050	1395	933	791	916	902	538	821
Июль	1218	1223	1190	1001	1054	811	541	952
Август	1099	1138	1238	1141	1098	865	922	1084
Сентябрь	886	987	862	892	895	824	640	824
Октябрь	829	850	833	801	810	982	808	843
Ноябрь	925	834	871	761	845	958	1133	908
Декабрь	1026	790	1178	1135	970	1197	1225	1160

*Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 196–197; Движение населения... за 1899 г. С. 196–197; Движение населения... за 1900 г. С. 196–197; Смертность младенцев в возрасте от рождения от одного года в 1909, 1910 и 1911 гг. в Европейской России. СПб., 1914. (Статистика Российской империи; [вып.] 82). С. 4–7, 38–41, 72–75.

группах, начиная с одного года и достигая пика в группе пожилых и старых людей. Заметный даже на этом фоне всплеск смертности в марте тоже складывался в возрастных группах старше одного года. Теплое полугодие с мая по октябрь, губительное для младенцев, неблагоприятное для жизни детей и молодежи, у старших возрастных групп, начиная с 21 года, было временем относительного витального благополучия.

Зимой факторами, повышавшими смертность, являлись неблагоприятные природно-климатические условия сезона, но главное – скученность членов относительно многолюдных тогда семей в тесных и душных жилых помещениях. Большинство населения, особенно сельского и в среде городской бедноты, обитало в жилищах с одной отапливаемой комнатой, которая зимой служила для домашнего досуга, промысловых занятий и ночного сна. «Темные тона глинобитного пола, стен, закопченного потолка», сон впопалку на полатах и лавках, содержание в хате приплода домашнего скота (см., напр.: [6, с. 240–246]), – в такой обстановке дети легко заражались оспой, корью, скарлатиной, взрослые – тифозной «горячкой» и пр. В начале весны перепады температуры и частые холодные ветры усиливали опасность простуды: для подростков и взрослых наступал сезон хозяйственных работ, дети дольше играли на улице.

Подводя итоги, констатируем плодотворность рассмотрения народного демографического календаря для описания и понимания не только процессов воспроизводства населения, но и ряда важных сторон культуры и образа жизни белорусов. Помесячное и посезонное распределение демографических событий у них на рубеже XIX–XX вв. подчинялось довольно строгим закономерностям. Имела место тесная связь ряда параметров детородного, брачного и летального календарей. Эти факты находят объяснение с позиций многофакторного подхода, учитывающего влияние природных, экономических и культурно-религиозных условий народной жизни. Имело место большое сходство сельского и городского календарей, особенно там, где важную роль играли универсальные климатические и биологические факторы. Сходство объясняется также культурной преемственностью и интеграционными процессами: в эпоху ранней урбанизации и массовых миграций немало типологических характеристик деревенской культуры вошли в фундамент культуры городской, но нарастало и обратное влияние. Ярким отличием городского демографического календаря от сельского являлось более равномерное помесечное распределение в нем всех событий, которое можно объяснить меньшим влиянием на образ жизни горожан природных и аграрно-хозяйственных циклов, ослаблением

в городах культурно-религиозных традиций. Вообще же этнические и конфессиональные варианты регионального демографического календаря наряду с чертами сходства имели и яркие своеобразные черты, которые заслуживают специального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверев В.А. Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 306–309.
2. Зверев В.А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН; Параллель, 2008. С. 96–112.
3. Зверев В.А. Семейный демографический календарь Русского Севера на рубеже XIX–XX вв.: связь сельского и городского вариантов // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск: ГИАиЭМЗ «Кижичи», 2003. С. 174–177.
4. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. / отв. ред.: М.П. Костюк, В.А. Ламин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН; Ин-т истории НАНБ; НГУ, 2001. 240 с.
5. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шихикин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 1. С. 186–189.
6. Белорусы / отв. ред.: В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М.: Наука, 1998. 503 с.
7. Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб.: Изд. дом СПбГУ: Интерсоцис, 2009. 536 с.
8. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / науч. ред. А.В. Титовец. Мн.: Беларус. навука, 2013. 579 с.

REFERENCES

1. Zverev V.A. Popular demographic calendar as a subject of the socio-historical study. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri*. Barnaul: Pub. House ASU, 2002, pp. 306–309 (In Russ.)
2. Zverev V.A. Siberian demographic calendar: sub-regional and settlement versions in the second-half of the XIX – early XX century. *Gosudarstvo i obschestvo Sibiri XVII–XX vekov*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS: Parallel', 2008, pp. 96–112 (In Russ.)
3. Zverev V.A. Family demographic calendar of the Russian North at the turn of the XIX–XX centuries: interconnection of the rural and urban versions. *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa*. Petrozavodsk: SHAEMP “Kizhi”, 2003, pp. 174–177 (In Russ.)
4. Essays on the History of Belorussians in Siberia in the XIX–XX centuries / ed. by M.P. Kostyuk, V.A. Lamin. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Institute of History NASB; NSU, 2001, 240 p. (In Russ.)
5. Mamsik T.S., Mainicheva A.Yu., Shishikin V.G. Belorussians. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2010, vol. 1, pp. 186–189 (In Russ.)
6. Belorussians / ed. by V.K. Bondarchik, R.A. Grigor'eva, M.F. Pilipenko. Moscow: Nauka, 1998. 503 p. (In Russ.)
7. Mironov B.N. Historical Sociology of Russia. SPb.: Pub. House of the SPbSU: Intersotsis, 2009, 536 p. (In Russ.)
8. Traditional culture of Belorussians over time and space / ed. by A.V. Titovets. Minsk: Belarus. Navuka, 2013, 579 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.10.2015